

Отзыв

на диссертацию Ларенок Оксаны Павловны «Финальный этап периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (исторические науки).

Рецензируемая диссертация Оксаны Павловны Ларенок «Финальный этап периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, представляет собой цельное квалификационное исследование. Автор обратилась к теме одного из сложных периодов в археологии, а именно изучению памятников рубежа средней – поздней бронзы. Как известно, изучение переходных периодов, когда происходят кардинальные культурные трансформации, а древности сочетают знаковые черты предшествующей и последующей эпох, демонстрируя выраженные признаки эклектичности, является сложной и трудоемкой задачей. Она требует от исследователя учета не только магистральных культурно-генетических процессов, но и понимая всех деталей, на базе которых они и выстраиваются. Работа диссертанта в значительной степени была обусловлена тем, что магистральные линии развития посткатакомбной эпохи уже были выстроены благодаря работам С.С. Березанской, А.И. Пислария, С.Н. Братченко, Р.А. Литвиненко, Р.А. Мимохода и др. Однако любые обобщения должны верифицироваться на региональных площадках, что позволяет их уточнять, корректировать или подтверждать, но новом уровне с учетом всех нюансов местной специфики. Именно такой подход лежит в основе диссертационного исследования О.П. Ларенок. Еще одним несомненным достоинством представленной работы является то, что автор привлекает для своих исследований не только погребальные памятники, но и поселенческие материалы. Дело в том, что в имеющихся на сегодняшний день данных в обобщающих исследованиях на уровне докторских диссертаций (Р.А. Литвиненко, Р.А. Мимоход), основной

акцент делается на погребальные источники, в то время как данные поселений рассматриваются в качестве сопроводительных. Исключение здесь составляет докторская работа С.Н. Санжарова, где приоритетными выступают поселенческие материалы, что верно диссертант отмечает в историографической главе. В этой связи, работа Оксаны Павловны выгодно отличается тем, что органично сочетает весь региональный корпус доступных источников блока посткатакомбных культурных образований. Актуальность темы не вызывает сомнений. Установление особенностей культурных процессов в конкретном регионе – первоочередная задача по пути конкретизации уже представленных обобщающих исследований. Последние строились во многом на индуктивной основе с последующими обобщающими выводами. Однако, этот путь необходимо пройти и в обратном порядке на уровне конкретных регионов с учетом того многообразия археологических реалий, которое просто не может быть учтено в магистральных работах, охватывающих материал очень больших территорий, на что справедливо обращает внимание исследовательница во Введении к диссертации.

Структура рецензируемой работы выглядит продуманной и логичной. Она состоит из Введения, четырех глав, Заключения и приложений, которые включают таблицы и иллюстрации.

Введение содержит все необходимые структурные элементы диссертационной работы (актуальность, научная новизна, цель, задачи, предмет, объект и т.д.). Можно отметить, что не все выносимые в тексте положения на защиту отражены во Введении. Так, фактически не учтенными остаются данные главы 4, большая часть которой посвящена хронологии посткатакомбной эпохи. Источниковая база исследования насчитывает 320 погребений и 12 поселений, а также 6 пунктов сбора подъемного материала. Такая статистика полностью соответствует уровню диссертации на соискание степени кандидата исторических наук по специальности «Археология».

Глава 1 традиционно посвящена историографии вопроса. Автор пошла по общепринятой схеме, разделив, в общем-то сложный и далеко не дискретный процесс накопления знаний, на три этапа. Мне импонирует то, что О.П. Ларенок это осознает и потому правильно, на мой взгляд, рассматривает выделенные этапы как условные. Характерным примером подобной условности является третий этап в накоплении источниковой базы, который исследовательница помещает в период с 90-х гг. прошлого века по настоящее время. Оксана Павловна пишет, что он «отличен от предыдущих небольшим спадом в накоплении информации». Однако, если брать весь выделенный ею историографический период, то это будет совсем не так. Точнее так, но только для 90-х и первой половины нулевых годов. Потом в обозначенных регионах начинается новый бум спасательных археологических работ, который не только соответствует, а даже превосходит объемы новостроек советского периода. Это же касается и аналитических исследований. Именно с середины нулевых годов начинается процесс масштабных обобщений в рамках посткатакомбной проблематики с выходом на реконструкции культурно-исторических процессов. Таким образом, на мой взгляд, если идти по общепринятой схеме периодизации историографии, то должен был быть выделен отдельный этап 90-х – середины нулевых годов тем более, что его содержание было во многом обусловлено непростыми условиями жизни начала постсоветского периода. Это хорошо просматривается на примере того, как автор уходит в десятиные, а то и в двадцатые годы текущего века, а потом возвращается не раз к первой половине нулевых. Такой чехарды не происходило бы, будь выделен соответствующий этап. Впрочем, эти мои размышления полностью нивелируются тем, что я не отношусь к сторонникам историографических периодизаций. В свою очередь отмечу, что заметным плюсом историографического обзора стало то, что Оксана Павловна не свела его к региональному контексту, а обозначила достаточно широкое полотно

историографических штудий по посткатакомбной проблематике от Днестра до Поволжья и Предкавказья.

Глава 2 посвящена характеристике погребальных памятников финала средней бронзы. Понятно, что основной культурный контекст этого периода Нижнего Подонья и Северо-восточного Приазовья связан именно с днепродонской бабинской культурой (ДДБК), поэтому первый параграф, посвященный ей, довольно объемный. В нем достаточно подробно анализируется погребальный обряд ДДБК от топографии и курганного строительства до внутримогильных характеристик. Причем, характеристика дается в соответствии с периодизацией, разработанной для Днепро-Донского Бабино Р.А. Литвиненко. Исследовательницей она принимается безоговорочно, и это, на мой взгляд, правильно, хотя хотелось бы увидеть ее детальную верификацию на местных материалах. Впрочем, в главе 4 в этом направлении шаг сделан, но, главным образом, в отношении стратиграфической позиции бабинских древностей по отношению к позднекатакомбным и позднебронзовым памятникам. Внутренняя периодизация ДДБК как самостоятельный вопрос фактически не рассматривается.

Посмею усомниться в правильности утверждения О.П. Ларенок о том, что «шкуры» (череп и ноги копытных) маркируют только ДДБК и отсутствуют в других региональных группах культурного круга Бабино. Причем, ссылка на работу Р.А. Литвиненко 2006 года приведена корректно, но Оксана Павловна не учла работу этого же автора 2022 года в журнале *Stratum Plus*, где он показывает, что «шкуры» есть и в днепро-прутской бабинской культуре. Однако, диссертант права – маркером они являются именно для ДДБК.

О.П. Ларенок объясняет деградацию катакомбного обряда в посткатакомбное время тем, что произошел «ренессанс» ямных традиций, присоединяясь к мнению С.Н. Братченко и Р.А. Литвиненко. На мой взгляд,

никакого «возрождения» не было. Ямную культуру от посткатакомбной эпохи разделяет несколько веков. В условиях бесписьменных обществ хранение в исторической памяти информации в такой продолжительный период фактически невозможно. Деграцию катакомбного обряда можно объяснить значительно проще. Блок посткатакомбных культурных образований сформировался в результате двух миграционных импульсов из Центральной Европы и карпато-дунайского бассейна и с территории Северо-восточного Кавказа. В обоих регионах катакомбный обряд погребения попросту не практиковался, что прямо и повлияло на упадок этой традиции в Восточной Европе.

Второй параграф этой главы посвящен характеристике погребального обряда других культурных образований финала средней бронзы: волгодонской бабинской и лолинской культур, а также каменско-ливенцовской культурной группы. О.П. Ларенок убедительно показывает, что носители этих культурных традиций в регионе являются пришлыми, а потому и памятники малочисленны.

Следует отметить правильную осторожность в отношении погребений, которую Оксана Павловна вслед за С.Н. Братченко характеризует как каменско-ливенцовские. Уверенности в том, что эти погребения принадлежат именно носителям этих традиций нет, как не было их у С.Н. Братченко, как нет ее у О.П. Ларенок, как нет их и у меня. Оксана Павловна справедливо характеризует ситуацию вокруг них, как «довольно запутанную». Исследовательница правильно сопоставляет кольцевидно-планочную пряжку из п.6 во рву Ливенцовской крепости с поясной гарнитурой лолинской культуры типа Ипагово-Типки, но при этом за скобками осталось то, что единственная прямая аналогия этой пряжке происходит из погребения волгоуральской культурной группы посткатакомбного периода в Приуралье. На мой взгляд, погребение с поясной деталью из Ливенцовской крепости относится именно к этому волго-уральскому культурному образованию.

Приведенный в диссертации комплекс Ростов-Западный 13/9 как каменско-ливенцовский демонстрирует все классические признаки одной из обрядовых групп невинномысской культуры. Я не уверен, что прав, но эти примеры хорошо иллюстрирует проблемность ситуации вокруг погребальных памятников социумов, которые возводили Ливенцовскую и Каратаевскую крепости. Отдает себе отчет в этом и О.П. Ларенок и указывает на дальнейшую необходимую разработку этих вопросов. Сами критерии выделения этой группы она называет «немного размытыми», и мне кажется, что это мягкая формулировка.

Далее в параграфе характеризуются единичные погребения в регионе долинской и волго-донской бабинской культур. Справедливо обозначается их эпизодическое присутствие и только в контактной зоне Нижнего Подонья.

В главе 3 приводится характеристика поселенческих памятников Нижнего Подонья и Северо-восточного Приазовья. Эта глава, безусловно, отличается научной новизной и актуальностью. Как уже отмечалось, по тем или иным причинам основной акцент при изучении восточноевропейских памятников посткатакомбной эпохи делался на погребальные древности, что в известной мере суживало интерпретационные возможности. Как и в случае с погребальными памятниками, подавляющее большинство поселений в регионе также оставлено носителями днепро-донских бабинских традиций. Материалы поселенческих источников, равно как и погребальных, уверенно свидетельствует о хронологических позиции ДДБК в рамках финала средней бронзы между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Отрадно, что Оксана Павловна уже на страницах своей диссертации начинает дискуссию с одним из ее официальных оппонентов А.И. Юдиным по материалам его раскопок поселения Малая Сопка I. В чем-то не соглашаясь с Александром Ивановичем, она предлагает свое видение культурно-хронологической атрибуции части материалов этого памятника и его функционального назначения, уже задавая вектор обсуждения по этому

вопросу в процедуре своей защиты. Следует отметить, что дискуссию О.П. Ларенок ведет очень корректно и предлагает читателю самому выбрать, какие аргументы выглядят более убедительными и, в конце концов, оставляет вопрос открытым. Таковым считаю его и я.

Вполне адекватной выглядит оценка материалов поселения Сухой Лог I как памятника волго-донской бабинской культуры. Оксана Павловна пытается отметить черты, которые отличают его керамический комплекс от днепро-донских бабинских древностей. Делается это осторожно, на уровне микропризнаков и выводы не абсолютизируются. Действительно, если мы возьмем днепровское поселение Бабино III, поселения ДДБК рассматриваемого соискателем региона или материалы волго-донских бабинских бытовых памятников Поволжья проследить между ними различия на уровне керамического комплекса будет очень сложно, однако погребальный обряд и есть тот тонкий инструмент, благодаря которому удастся препарировать археологические реалии и четко размежевывать культуры внутри бабинского круга. Остается не очень понятным, почему за скобками исследования остались, например, материалы хорошо опубликованного В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком в 2001 году поселения Раздольное, где присутствуют выразительные материалы ДДБК и которые находятся именно в Северо-восточном Приазовье, т.е. том регионе, который заявлен в заглавии диссертации? Из этой статьи можно было извлечь в том числе очень полезную информацию по бабинскому домостроению, которая была бы актуальна для диссертации. Да и по Северскому Донцу, который, судя по карте (рис. 1), входит, по мнению О.П. Ларенок, в территорию нижнедонского региона, явно учтены не все имеющиеся опубликованные материалы.

Неудивительно, что пристальное внимание соискателя привлекли материалы такого яркого памятника финала средней бронзы как Ливенцовско-Каратаевская крепость. Вслед за С.Н. Братченко, Э.С.

Шарафутдиновой и А.В. Кияшко Оксана Павловна справедливо отмечает южный импульс в формировании каменско-ливенцовских древностей. Южные импульсы добром для эпонимной крепости не закончились. На фазе ПКБ II она пала в результате набега предкавказских посткатакомбных военных отрядов, на что не раз обращено внимание в диссертации.

В главе 4 обсуждаются вопросы хронологии рассматриваемых памятников. На самом деле, содержание главы более широкое, чем заявлено в ее названии. Она посвящена не только определению времени существования посткатакомбных древностей в регионе, но и культурно-генетическим процессам. На мой взгляд, в названии этой главы следовало бы отразить этот факт. О.П. Ларенок справедливо отказывается в этой главе обсуждать вопросы, связанные с лолинской и волго-донской бабинской культурами, ввиду единичности их комплексов на Нижнем Дону и отсутствии в Северо-восточном Приазовье, а также в следствии того, что об этом уже не раз и подробно писалось. Автор сосредотачивается, главным образом, на материалах ДДБК и каменско-ливенцовской группе, т.к. это именно основные культурные контексты в регионе. Вызывает некоторое удивление утверждение О.П. Ларенок о том, что «покровские захоронения с пряжками полностью отсутствуют на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья». Это не так. Достаточно посмотреть работу Р.А. Литвиненко 2001 года о пряжках в Волго-Уралье. На его карте захвачен и регион Нижнего Подонья, где присутствуют пункты с покровскими пряжками в этом регионе. Впрочем, этой работы нет в списке литературы соискателя. Есть пряжки в покровских погребениях и на Северском Донце. Их действительно нет в Северо-восточном Приазовье, но Нижнем Дону и в Подонцовье этих предметов хватает. Однако в целом относительная хронология региональных древностей в диссертации выстроена верно.

Особое внимание О.П. Ларенок уделяет радиоуглеродной хронологии, которая выделена в отдельный раздел главы 4. Это действительно отдельная

тема и без ее рассмотрения сейчас не обходится ни одно серьезное исследование, к числу которых и принадлежит диссертация Оксаны Павловны. Причем, соискатель пытается охватить не только региональные ^{14}C данные по финалу средней бронзы, но и остальные посткатакомбные даты из ареалов днепро-прутской, волго-донской бабинской и лолинской культур. Вызывает сожаление, что в диссертации осталась без комментария или не учтена вовсе, судя по списку литературы, наша работа, написанная в соавторстве с Н.И. Шишлиной и П. Хомелем в 2020 году, которая полностью посвящена радиоуглеродной хронологии ДДБК и где приведен полный банк данных по проблематике. Можно было бы вспомнить и мою работу по радиоуглеродным датам архонской культурной группы 2014 года, тем более что эта группа не раз упоминается в диссертации. Это облегчило бы работу соискателя по данной тематике.

Выше, в ходе разбора диссертации О.П. Ларенок, были высказаны замечания, на которые если и есть смысл отвечать, то очень лаконично, потому что они, скорее, размышления вслух, а не реальные претензии к работе.

Из структурных замечаний, на которые я бы хотел получить более развернутые комментарии, относятся следующие:

1. Соискатель неоднократно подчеркивает, что Ливенецовско-Каратаевская крепость был сооружена в позднекатакомбное время, т.е. до возникновения блока посткатакомбных культурных образований, иначе говоря, не позже периода 2300 CalBC. Данные для такого вывода мне остаются непонятны, в том числе из текста диссертации. Ведь в материалах этого фортификационного комплекса нет фактически ничего, что могло бы прозрачно отсылать к позднекатакомбному периоду. Наоборот, на мой взгляд, все данные свидетельствуют о том, что крепость возникла в лучшем случае не ранее фазы ПКБ I, на которую приходится

глобальные культурные трансформации, охватившие большую часть Старого Света, связанные с аридизацией. Верхняя дата существования Ливенцовско-Каратевской крепости установлена верно, в рамках фазы ПКБ II. Однако не стоит забывать, что в еще одном эпонимном памятнике этой культурной группы – поселении Каменка есть узко датирующиеся вещи фазы ПКБ III (пряжка и щитковый псалий). Т.е. получается, что каменско-ливенцовская культурная группа существовала дольше, чем весь блок посткатакомбных культурных образований. Данные Хреевой балки тоже свидетельствуют о том, что и этот памятник за фазы ПКБ не выходит. Кстати, в главе 4 речь уже не ведется о позднекатакомбном возрасте Ливенцовско-Каратевской крепости. Хотелось бы до конца понять авторскую позицию.

2. В главе 1 Оксана Павловна уделяет особое внимание докторской диссертации Ю.М. Бровендера, из которой следует, что аридизация привела к упадку металлообработки и металлопроизводства на фазе ПКБ I по сравнению с катакомбной эпохой. Очень бы хотелось, чтобы исследовательница раскрыла конкретные механизмы, как глобальная аридизация, которая действительно была, повлияла на вышеуказанные процессы.
3. В работе О.П. Ларенок есть рассуждения о летних и зимних пастбищах ДДБК, а, соответственно, и типах сезонных поселений. Хотелось бы понять, на чем основаны эти построения именно с точки зрения климата, а не только с точки зрения топографии и конструкции жилищ, ведь ситуацию при желании можно интерпретировать и наоборот?
4. На взгляд Оксаны Павловны механизм возникновения пряжек в культурном круге Бабино – это только дальнейшее развитие примитивных катакомбных и единичных колец? Или можно еще как-то объяснить небывалый всплеск поясной гарнитуры из кости

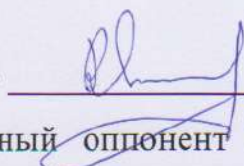
и рога в посткатакомбное время и появление типов, которые соответствующих аналогов в предшествующую эпоху просто не имели?

В целом, диссертационная работа О.П. Ларенок производит благоприятное впечатление. Она отличается вдумчивостью, корректностью выводов и осторожным отношением к материалам столь непростой переходной эпохи. Обращает на себя внимание, что текстовая часть работы хорошо документирована табличными исчерпывающими приложениями и иллюстративным материалами. Заявленные цели и задачи выполнены. Диссертация полностью соответствует всем необходимым требованиям квалификационной работы этого уровня.

Диссертация Ларенок Оксаны Павловны, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. «Археология», является серьезным и оригинальным научным исследованием. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Автореферат диссертации достаточно полно отражает основное содержание и структуру рецензируемой работы и соответствует тексту диссертации.

19.02.2024

Официальный оппонент Мимоход Роман Алексеевич, д.и.н., с.н.с.
Отдела археологии бронзового века Института археологии РАН.
1179292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, тел. 8(499)126-47-98
e-mail: mimokhod@gmail.com

